

701

«Русское богатство» 1889 кн. III

Мас. № 1367

ОБО ВСЕМЪ.

(Критическія замѣтки).

«Ивановъ» драма А. Чехова.

Нашимъ читателямъ извѣстно имя А. Чехова, молодого беллетриста, не только подающего, но и осуществляющаго почти въ каждомъ новеллѣ своемъ произведеніи тѣ не заурядныя надежды, которыя на него многими возлагаются. До сихъ поръ онъ писалъ маленькія по объему вещицы, исключая двухъ-трехъ попытокъ дать нѣчто болѣе крупное («Стень», «Именины», «Вечерніе огни»). Теперь онъ выступилъ съ драмой, которой мы займемся подробнѣе.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ ея является богатый молодой помѣщикъ, членъ по крестьянскимъ дѣламъ, Ивановъ. Судя по тому, что онъ самъ рассказываетъ о себѣ и что о немъ говоритъ жена и еще одна героиня, дѣвушка, влюбленная въ него, Саша Лебедева, онъ еще недавно былъ энергичнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Но въ драмѣ онъ является передъ нами совершенно надломившимся и, какъ объясняетъ онъ самъ, эта надломленность произошла отъ того, что онъ черезъ чуръ много навалилъ на себя работы. Онъ сравниваетъ себя даже съ однимъ своимъ работникомъ-силачемъ, который желалъ на молотбѣ похвастать своей силой, навалилъ себѣ на спину два мѣшка ржи и надорвался подъ ихъ тяжестью. Перечисляя причины, утомившія его, Ивановъ упоминаетъ также и гимназію, и университетъ; онъ говоритъ: «Гимназія, университетъ, хозяйство, школы, проэктъ... Вѣровалъ я не такъ, какъ всѣ, горячился, рисковалъ, деньги свои бросалъ направо и налево, былъ счастливъ и страдалъ, какъ никто въ всемъ уѣздѣ. Все это мои мѣшки. Ввалилъ на спину ношу, спина-то и треснула». Хотя тутъ же онъ прибавляетъ: «впрочемъ, быть

Н. Рейтинъ — Гелову (Вѣст. 1889). „Принесъ гелову разборъ романа „Ивановъ“. Геловъ, зрѣлый писатель, самъ обожаетъ. Я узналъ его по стилю, Геловъ

изъ неприменно замечательное и интересное
всѣхъ — отъ васъ и далъ мнѣ много на счетъ
этого и придиригивалъ. (ГБЛ).

можетъ, онъ снова своему молодому другу, что всѣ, работавъ, что онъ в и тянутъ силы на пьяней, и накажетъ. Однимъ минанію торъ хотѣ въ современія». Такая во в наклонности точки зрѣ варительно точки зрѣ нельзя не по отождествитора, — нѣтъ. Можно дан на сторонѣ ныхъ явленіе прелестномъ никѣ въ н въ первый ное отчаяніе цину — чел такимъ явл дента, объ студентъ, д дѣлаетъ со ной постанов характеръ, болѣзней у рѣшить воп

можетъ, это не то... не то, не то!..» Однако, въ концѣ драмы онъ снова возвращается къ такому же объясненію, и говоритъ своему пріятелю Лебедеву: «если ты встрѣтишь въ жизни молодого человѣка, горячаго, искренняго, не глунаго и увидишь, что онъ любитъ, ненавидитъ и вѣритъ не такъ, какъ всѣ, работаетъ и надѣется за десятерыхъ... если увидишь, что онъ взвалилъ на себя ношу, отъ которой хруститъ спина и тянутся жилы, то скажи ему: не спѣши расходовать свои силы на одну свою молодость, побереги ихъ для всей жизни, пьяней, возбуждайся, работай, но знай мѣру, иначе жестоко накажетъ тебя судьба», и т. д. и т. д.

Однимъ словомъ, судя по всему этому, а особенно по упоминанію гимназій и университета, можно думать, что авторъ хотѣлъ намъ представить продуктъ того явленія, которое въ современной наукѣ извѣстно подъ именемъ «переутомленія». Такое предположеніе весьма вѣроятно, особенно принимая во вниманіе, что г. Чеховъ врачъ, т.-е. долженъ имѣть склонность объяснять себѣ явленія жизни съ медицинской точки зрѣнія. По этому случаю не мѣшаетъ выяснить предварительно, — насколько въ искусствѣ умѣстны спеціальныя точки зрѣнія. Впрочемъ, впередъ оговариваемся: эту мысль нельзя непременно навязывать автору; ее высказываетъ герой, но отождествлять его взглядъ на себя со взглядомъ на него автора, — нѣтъ пока другихъ основаній, кромѣ вышеупомянутаго. Можно даже думать, что г. Чеховъ далеко не всегда стоитъ на сторонѣ узко-спеціальныхъ объясненій различныхъ душевныхъ явленій; это онъ, кажется, хотѣлъ выразить въ своемъ предсстномъ очеркѣ «Припадокъ», напечатанномъ въ «Сборникѣ въ память Гаршина». Тамъ молодой студентъ, попавшій въ первый разъ въ притонъ разврата, приходитъ въ страстное отчаяніе отъ того паденія, въ какомъ онъ увидѣлъ женщину — человѣка, а между тѣмъ его товарищи, привычныя къ такимъ явленіямъ, и модный врачъ, къ которому ведутъ студента, объясняютъ это первыми припадками, къ которымъ студентъ, дѣйствительно, склоненъ. При этомъ модный врачъ дѣлаетъ сотни обычныхъ вопросовъ, нужныхъ для объективной постановки діагноза, допрашиваетъ о томъ, каковъ былъ характеръ у отца, у матери студента, не было-ли какихъ болѣзней у родственниковъ? Однимъ словомъ, пытается разрѣшить вопросъ о наследственности. Все это глубоко возму-

пастъ студента, а съ нимъ и читателя, и, новидимому, самого автора.

Въ самомъ дѣлѣ, нисколько не отрицая научныхъ объясненій подобныхъ явленій исключительной нервною, въ то же время очевидно, что нервность—нервною, а вліяніе на чуткую сострадательную душу (или, если угодно, впечатлительную нервную натуру) какого нибудь мерзкаго факта имѣетъ еще и особое значеніе. Врача призвали лечить больного, вотъ этого самого больного, а не цѣлое общество или не общественное явленіе, возмущившее нервного человѣка; на это есть свои специалисты. Врачъ и говоритъ, что у этого больного наследственная нервность, отъ которой его можно лечить. И онъ правъ въ томъ отношеніи, что тысячи людей пройдутъ мимо того же факта, ликуя. У нихъ, очевидно, нѣтъ наследственной нервности, а скорѣе существуетъ наследственная нервная деревянность. Врачъ призванъ лечить не эту деревянность, а наоборотъ нервную раздражительность. Въ этомъ не его вина: людямъ, очевидно, пріятнѣе ихъ нервная деревянность, чѣмъ ихъ нервная возбудимость. Отъ деревянности они не только не думаютъ лечиться, а наоборотъ просятъ врачей: «голубчики, едѣйте насъ деревяшками: мы нездоровы,—мы очень сильно чувствуемъ всякія гадости!» Впрочемъ, чаще всего объ этомъ просятъ не сами минимольные, а ихъ добрые пріятели или заботливые родственники, которыхъ пугаютъ всяческія непріятныя послѣдствія такой чувствительности. Врачъ закатываетъ пріемы бромистаго натра или калія и человѣкъ мало-по-малу становится все-довольнымъ, а его близкіе считаютъ его въ этомъ состояніи совершенно здоровымъ и нормальнымъ. И у нихъ есть резонъ: вѣдь, что же такое—нормальный, какъ не то, что человѣкъ «не выходитъ изъ нормы», не отличается отъ другихъ? Что такое—больной или ненормальный, или патологическій, какъ не то, что человѣкъ вышелъ изъ нормы, сталъ не похожимъ на другихъ, сталъ ненормаленъ. Но не чувствуете-ли вы, что во всемъ этомъ лежитъ на днѣ какая-то гнусность, отъ которой вамъ становится стыдно и мерзко? И это ваше чувство совершенно законно. Пока дѣло не касается душевныхъ и нервныхъ болѣзней, специально-медицинское отношеніе къ дѣлу не можетъ возбуждать ни малѣйшаго сомнѣнія. Но вотъ передъ нами Ивановъ, или этотъ самый студентъ: врачъ увѣряетъ, что онъ боленъ, потому что сильнѣе другихъ чувствуетъ безобразіе

даннаг
кажда
студен
врача
нѣтѣ
одна
не въ
ности
ворон
челов
сумас
правс
идеал
они
малы
впеч
пото
и на
рент
чалъ
мы
ская
точк
въ
моу
гом
отъ
опо
лен
кри
мѣ
сре
как
бы
ція
фи
по
до
из
ци
ес

ому, са-
хъ объ-
стью, въ
а влияние
, впечат-
го факта
больного,
или не
а: на это
у этого
го можно
чи людей
дно, нѣтъ
дѣйстви-
е эту де-
Въ этомъ
ная дере-
евянности
и просить
ы незоро-
Впрочемъ,
ые, а ихъ
рыхъ ну-
вствитель-
или каля
мъ, а его
по здоро-
чь, что же
выходить
е—больной
то, что че-
а другихъ,
во всемъ
горой вамъ
совершенно
мныхъ бо-
не можетъ
нами Ива-
ь, что онъ
, безобразію

даннаго явления. Близкіе люди думаютъ то же, потому что себя каждая деревяшка считаетъ нормальной. Но не правѣли этотъ студентъ, когда онъ считалъ и своихъ товарищей и моднаго врача людьми болными, ненормальными? Очевидно, что по- нятие о нормѣ, о нормальности, можетъ быть двухъ родовъ: одна нормальность состоитъ въ томъ, чтобы быть—какъ всѣ, не выходить изъ средней нормы. Тутъ критеріемъ нормаль- ности является среда, какъ-бы гнуса ни была она: шайка воровъ будетъ, съ этой точки зрѣнія, считать ненормальнымъ человѣка честнаго, а гупоумный бомондъ объявить Чацкаго сумасшедшимъ. Другая нормальность вытекаетъ изъ требованій нравственнаго и общественнаго идеала. Съ точки зрѣнія этого идеала самодовольные скоты съ деревянными перзами, если они принимаютъ образъ человѣка, суть явленія не нор- мальные; они—зло и язва общественная, а этотъ первый впечатлительный юноша, онъ-то и есть нормальное явленіе, потому что онъ способенъ откликаться на чужое страданіе и надежде, способенъ, значить, быть не холоднымъ, индефе- рентнымъ членомъ общества, а живымъ его дѣятелемъ и пе- чальникомъ. Съ одной только чисто-медицинской точки зрѣнія мы можемъ довести человѣчество до полного оскотиненія. Но, скажутъ намъ, и съ исключительно социальной и моральной точки зрѣнія, мы иногда можемъ признать идеаломъ то, что въ самомъ дѣлѣ граничитъ съ помѣшательствомъ, иногда са- моубійствомъ, или весьма часто ведетъ и къ тому, и къ дру- гому. Допустимъ. Значить, есть нормальный типъ, отклоненіе отъ котораго мы должны признать болѣзненнымъ, хотя бы оно шло не въ направленіи чувствительности а въ направ- леніи безчувственности и деревянности? Такой типъ, такой критеріумъ долженъ быть непременно установленъ; по крайней мѣрѣ, общество должно имѣть его, чтобы знать, кто изъ среды его дѣйствительно боленъ и кто только несчастенъ, какъ Чацкій, потому что умнѣе и чувствительнѣе другихъ. Быть можетъ, установленіе такого типа, не нужно для спе- циалистовъ-врачей, быть можетъ они могутъ обойтись съ физиологически опредѣленнымъ типомъ нормы. Но они и должны помнить, что ихъ типъ имѣетъ специальное назначеніе и не должны вносить его въ вопросы общественные; общественность имѣетъ свою науку: социологію, этику, которая шире меди- цины, и охватываютъ ее какъ свою часть. Поэтому врачъ, если онъ забываетъ социально-нравственную точку зрѣнія,

не въ силахъ установить нормальнаго соціального типа. Гдѣ у него критеріумъ, если ему дѣла нѣтъ до общественнаго блага, совершенствованія и прогресса? Съ общественной или нравственной точки зрѣнія, нельзя людей дѣлать безчувственными, иначе всякая дѣятельность, направленная къ улучшенію общей жизни и обусловленная чуткостью къ чужому страданію—прекратится. Останутся только такія общественныя дѣятельности, которыя опираются—уже на другіе, менѣе могучіе и менѣе благородные мотивы. Пропорціонально этому потеряется и прогрессъ человѣчества. И это не все: тѣ опасныя послѣдствія отъ нервной чуткости, которыя можно бы привести какъ доводъ въ пользу необходимости лечить чуткихъ людей и считать ихъ больными, являются, съ точки зрѣнія общественной, въ другомъ освѣщеніи: въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, опасность отъ сильной нервной возбудимости, отъ излишней чуткости зависитъ не только отъ этой чуткости, но и отъ тѣхъ явленій въ окружающей средѣ, которыя потрясаютъ натуру, маломальски выдвигающуюся изъ сферы воловьихъ или свиныхъ перловъ. Самый безчувственный и тупо-нервный скотъ вздрагиваетъ, если у него надъ ухомъ выстрѣлитъ изъ ружья, или полоснуть его пожемы, или хватить палкой. Точно также и самый здоровый нервно-мозговой организмъ можетъ пошатнуться, если условія его жизни бьютъ его въ три кнута, или напоминаютъ неожиданныя выстрѣлы надъ ухомъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, исключительно медицинскій взглядъ будетъ возмутителенъ, даже преступенъ съ общественной точки зрѣнія: эта точка зрѣнія убѣждаетъ насъ, что опасность отъ чувствительности не только ненормальной, но и средней лежитъ не въ одной чувствительности, а и въ средѣ; чувствительность для того и дана природой, чтобы мы, избѣгая опасностей, передѣлывали среду, какъ глаза даны намъ для того, чтобы видѣть ямы и загородки, не падать и не ломать шен. Притуплять чувствительность, это—тоже, что ослаблять зрѣніе. Человѣческая чуткость къ чужому страданію есть то же, что и глаза: ее надо развивать и усиливать, какъ мы развиваемъ зрѣніе. Но, чтобы она не вела къ несчастьямъ, надо установить разумный предѣлъ, и здѣсь можетъ играть роль медицина, но не одна она, а въ сочетаніи съ соціологіей: медицина есть часть, а соціологія—цѣлое, и часть не должна поглощать цѣлаго. А цѣлое говоритъ между прочимъ, что есть и иное средство, кромѣ бромистаго натра, и оно лежитъ въ общественной работѣ, въ при-

ложеніи с чувствительности, исходя изъ цѣли, она нервная, не сабдугой точкой цѣльной, выходитъ болѣе шире, одна изъ и подчиня себя. Новство, служ физическую которую м шире, ибо ныхъ, умс потребност не выходи усвоивать нилъ въ о обществен чиниться б. Художі необходимо общества е а съ друго запъ дават не въ форм безъ ихъ с ствѣ, специ Такимъ предмета н: «Иванову», необходимо Допустимъ, назія, унив опъ. Но р гимназіяхъ, школахъ, с

па. Гдѣ
веннаго
ной или
увствеп-
учшенію
страда-
ныя дѣя-
могуче
отеряетъ
послѣд-
сти какъ
ей и счи-
ственной,
ность отъ
сти зави-
вленій въ
ломальски
нервовъ.
агиваетъ,
ли полос-
е и самый
тъся, если
юмниаютъ
случаяхъ,
утителенъ,
эта точка
ительности
въ одной
ь для того
редѣлявали
ѣтъ ямы и
ь чувстви-
ческая чут-
за: ее надо
Но, чтобы
умный пре-
е одна она,
а социоло-
о. А цѣлое
кромѣ бро-
отъ, въ при-

ложеніи своихъ силъ къ исцѣленію того, что поражаетъ нашу чувствительность. Самая возможность такой работы дать уже исходить чувству; кромѣ того, если работа, наконецъ, достигла цѣли, она устраняетъ то тяжелое явленіе, которое било по нервамъ, и вызывало то, что казалось «припадками». И такъ, не слѣдуетъ увлекаться односторонне какой нибудь специальной точкой зрѣнія, какъ бы она ни была вѣрна въ своей специальной области. Специальность—дѣло хорошее, пока она не выходитъ изъ своей области, не захватываетъ право чужой и болѣе широкой. Она входитъ въ эту болѣе широкую, какъ одна изъ сотрудницъ, объединяясь съ другими помощницами и подчиняясь болѣе широкимъ задачамъ, но не подчиняя ихъ себѣ. Повторяемъ, медицина, какъ и всякая наука или искусство, служить одной изъ потребностей людей, потребности въ физическомъ здоровьи. Цѣли же социологич., цѣли этики, въ которую медицина можетъ входить какъ часть, безконечно шире, ибо захватываютъ всю сумму духовныхъ, нравственныхъ, умственныхъ, эстетическихъ и гуманно-прогрессивныхъ потребностей человѣчества. Отсюда, очевидно, что пока врачъ не выходитъ изъ своей специальной области, онъ не обязанъ усвоивать болѣе широкой точки зрѣнія, но едва онъ выступилъ въ область болѣе широкихъ вопросовъ, поднялъ вопросъ общественный, психологическій или этический, онъ обязанъ подчиниться болѣе широкой морально-соціологической точкѣ зрѣнія.

Художникъ же сдѣлать это обязанъ сугубо, ибо онъ по необходимости соприкасается съ самыми широкими задачами общества и личности, и въ этомъ равенъ социологу и этику, а съ другой стороны, онъ по самому свойству искусства, обязанъ давать жизнь въ ея цѣльномъ, синтетическомъ видѣ, а не въ формѣ патологическихъ и анатомическихъ препаратовъ, безъ ихъ связи съ остальными явленіями. Поэтому, въ искусствѣ, специальная точка зрѣнія еще болѣе пагубна.

Такимъ образомъ, мы только повидимому удалились отъ предмета нашей статьи, заговоривъ о патологич. Вернемся къ «Иванову», и читатель увидитъ, что наше предисловіе было необходимо для его оцѣнки въ художественномъ отношеніи. Допустимъ, что Ивановъ надломился отъ переутомленія. «Гимназія, университетъ, хозяйство, школы, проекты...» говорить онъ. Но развѣ не тысячи людей хозяйничаютъ, учатся въ гимназіяхъ, университетахъ, развѣ не тысячи заботятся о школахъ, создаютъ проекты? Если у насъ большинство дѣя-

тельныхъ людей должно окончить переутомленіемъ, то почему этого не бываетъ съ англичанами, французами, нѣмцами, работающими въ десять разъ больше, или съ американцами, которые отдыхъ считаютъ почти преступленіемъ. Отчего, наконецъ, русскій крестьянинъ не переутомляется, работая съ утра до ночи, да при этомъ еще участвуя и въ общественныхъ дѣлахъ, сходахъ? Очевидно, что или въ организмѣ русскаго интеллигента меньше силы для труда, чѣмъ у иностранца и даже у мужика, или трудъ его не нормаленъ, или окружающая его среда ставитъ ему такія преграды и душевныя муки въ нѣкоторыхъ родахъ работы, которыя не возможны даже самой могучей организаціи.

Понимемъ въ драмѣ г. Чехова отвѣтъ на эти вопросы. Къ сожалѣнію, мы ихъ почти не находимъ въ ней. Мы совсѣмъ не видимъ въ драмѣ картины прошлой жизни Иванова, чтобы судить, на сколько его дѣятельность была интенсивнѣе или экстенсивнѣе не только дѣятельности любого иностранца, но и дѣятельности средняго земскаго работника? А стало быть, зависѣло-ли переутомленіе отъ слабости его личной организаціи, или отъ слабости русскаго интеллигента вообще, сравнительно съ другими? Точно также нѣтъ основаній судить о томъ, не зависѣло-ли переутомленіе отъ какихъ-либо особенностей интеллигентной работы въ Россіи, отъ какихъ-либо особенностей обстановки этого труда: общественная обстановка, въ смыслѣ возможности примѣненія своихъ силъ къ служенію обществу, совершенно игнорирована авторомъ. Остаются въ драмѣ только семейныя отношенія и среда, въ смыслѣ окружающихъ Иванова типовъ его сосѣдей, знакомыхъ и, такъ сказать, сотрудниковъ. Уже изъ этого нельзя не видѣть, что сфера условій, могущихъ создать переутомленіе, служена авторомъ, и что, взявши темой художественнаго произведенія такой широкій вопросъ, онъ поступилъ не совсѣмъ правильно, а стало быть, и не вполне художественно, ограничивъ сферу своихъ наблюденій узкимъ кругомъ фактовъ. Тутъ уже для насъ достаточно ярко выступаетъ недостатокъ соціологической точки зрѣнія, и связь этого недостатка съ недостаткомъ истинной художественности въ драмѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ большинствѣ она вызвала огромное недоумѣніе: что такое Ивановъ? Подлецъ, негодяй или хорошій человѣкъ? Психопатъ или новый Чацкій? Когда мы читаемъ «Горе отъ ума», когда встрѣчаемъ знаменитые монологи Фамусова о томъ, какъ слѣдуетъ слу-

жить, или ясно все слова: «снимаемъ и оскорбленіямъ не о кѣ ему : няго общедова. И даже не знія, которэтой широтеза, которства. Отъ освѣщаютъ

Объясидостаткомпрошней то

Но поскруга, котЧто касаетуже нѣсконъ былъвалъ охладобъясняетрусская, и переутомлаторъ скаіакіе браГерой говени на евреНо развѣИ, главноето онъ нипову сталсНеизвѣстнчаоткой,ментальнызамкнулънаслажденімечтаніям

жить, или разсужденія Скалозуба, тогда намъ совершенно ясны всѣ общественныя условія Чацкаго, мы понимаемъ его слова: «служить бы радъ, прислуживаться тошно», мы понимаемъ его послѣднія слова: «пойду искать по свѣту, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ!» Грибоѣдовъ показалъ намъ не одну сторону обстановки Чацкаго, не одно отношеніе къ нему женщины и его знакомыхъ, но весь фонъ тогдашняго общества. То же сдѣлалъ и Островскій относительно Жадова. И такъ всегда пишутъ истинно—большіе художники: даже не зная сознательно о той социологической точкѣ зрѣнія, которую мы выяснили, — они чувствуютъ необходимость этой широты захвата, необходимость ея для широкаго синтеза, который и составляетъ суть истиннаго, серьезнаго искусства. Отъ этого ихъ произведенія не возбуждаютъ сомнѣній, освѣщаютъ жизнь и остаются вѣками.

Объяснить этотъ недостатокъ драмы г. Чехова нельзя недостаткомъ у него таланта. Остается объяснить его односторонней точкой зрѣнія, подчиняющей его талантъ, вредящей ему.

Но посмотримъ, что же онъ даетъ относительно того узкаго круга, которымъ онъ ограничилъ сферу своихъ наблюдений? Что касается семейной жизни, то мы узнаемъ, что Ивановъ уже нѣсколько лѣтъ женатъ по любви. Жена его — еврейка; онъ былъ когда-то счастливъ съ нею, но потомъ почувствовалъ охлажденіе. Отчего произошло это охлажденіе, авторъ не объясняетъ. Для чего женой Иванова сдѣлана еврейка, а не русская, и какое это отношеніе имѣетъ къ его охлажденію или переутомленію, также совершенно непонятно. Хотѣлъ-ли этимъ авторъ сказать, что не нужно жениться на еврейкахъ? Что такіе браки не удовлетворяютъ русскихъ интеллигентовъ? Герой говоритъ въ одномъ изъ монологовъ: «не женитесь вы ни на еврейкахъ, ни на психопаткахъ, ни на синихъ чулкахъ!» Но развѣ бракъ на русской гарантировалъ-бы отъ охлажденія? И, главное, если что-нибудь подобное имѣлось въ виду у автора, то онъ ничего не сдѣлалъ, чтобы пояснить свою мысль. Иванову стало скучно съ Саррой, вотъ и все, что мы видимъ. Неизвѣстно даже, не отъ того-ли стало скучно, что она больна чахоткой, или отъ того, что ея любящій, нѣсколько sentimentalный типъ не соответствовалъ его дѣйствительной натурѣ, замкнулъ эту натуру въ кругъ чисто личныхъ, супружескихъ наслажденій, съ бесѣдами при лунѣ, съ пѣніемъ Сарры и мечтаніями вдвоемъ. Влеченіе Иванова въ семью сосѣдей его

Лебедевыхъ, гдѣ его любить дочь Лебедевыхъ, Саша, натура живая и дѣятельная,—какъ будто намекаетъ на эту неудовлетворенность. Въ самомъ дѣлѣ, Ивановъ спасается отъ своей «тоски» въ бѣсѣдахъ съ этой энергической дѣвушкой. Не понимая, очевидно, этой жажды, жена умоляетъ: «останься, будемъ смѣяться, пить наливку, и твою тоску разгонимъ въ одну минуту. Хочешь я буду пить? Или пойдемъ, сядемъ у тебя въ кабинетъ въ потемкахъ, какъ прежде, и ты мнѣ про свою тоску расскажешь... У тебя такіе страдальческіе глаза! Я буду глядѣть въ нихъ и плакать, и намъ обоимъ станетъ легче»... Все это рисуетъ отчасти то, какъ супруги проводили время прежде. И это могло бы служить объясненіемъ охлажденія къ женѣ у природы ибкогда дѣятельной, но чувствующей, что она убаюкана и расслаблена такой любовью. Но все это было бы понятно, если бы Сарра не страдала въ то же время чахоткой, о чемъ знаетъ мужъ. Этотъ фактъ уже осложняетъ задачу: вѣдь, предложеніе Сарры, приговоренной къ смерти, пить мужу, могло навести грусть и отчаяніе вовсе не потому, что Ивановъ былъ натурою дѣятельной и не могъ примириться съ своимъ успокоеніемъ на засасывающихъ женскихъ ласкахъ... Пить, Иванову просто можетъ рисоваться, что передъ нимъ существо, приговоренное къ смерти. Каково же слушать ея пѣніе, чувствовать ея ласки, зная, что она заживо разлагается отъ каждаго дыханія?

Значитъ, и тутъ авторъ отнимаетъ у своего произведенія всякую опредѣленность, а у серьезнаго читателя всякую почву для сужденія о мотивахъ своихъ героевъ. Наконецъ, допустимъ-ли мы, что авторъ причину охлажденія видѣлъ въ чахоткѣ: тогда возникнетъ вопросъ,—зачѣмъ же взять такой исключительный случай для обрисовки типа, которому самое названіе «Ивановъ» старается придать всеобщность и современность? И еще болѣе становится непонятнымъ, для чего Сарра сдѣлана еврейкой? Развѣ только еврейки могутъ страдать чахоткой?.. Если же и русская, и еврейка одинаково склонны къ чахоткѣ, то стало быть жена сдѣлана еврейкой для какой-нибудь другой цѣли. Значитъ, причину авторъ видѣлъ въ ея недѣятельной, исключительно-успокоивающей любви?

Но развѣ русская, та же М-ше Лебедева, не хуже въ смыслѣ семейномъ? Развѣ всѣ русскія дѣвицы непремѣнно дѣятельны? И развѣ еврейка непремѣнно можетъ быть только воркующей голубкой? Да—наоборотъ: это одна изъ самыхъ дѣятельныхъ

націй. И оказывае
надобла
щее мѣс
психона
(въ жен
сокъ, бе
образомъ
какъ бу
чего не
парочно
въ семе
дѣлены
шанныхъ
послови
самомъ
того, что
отъ того
онѣ сан
заурядне

Пере
и къ ег
ціональн
Боркинъ
илутовст
масса де
возникае
Ивановъ
только 1
Что же
прежний
Боркина;
къ типу
опредѣле
знаемъ с
или тол
Ильею I
продукт
ственны
чинъ не
хозяйств

націй. Но каково же было наше изумленіе, когда изъ драмы оказывается, что Сарра именно своей незаурядностью и надоѣла Иванову: въ пользу этого говорить очевидно слѣдующее мѣсто въ монологѣ героя: сопоставивъ выѣстъ «евреекъ», психопатокъ и синія чулки», онъ добавляетъ: «выбирайте (въ жены) что-нибудь заурядное, сѣренькое, безъ яркихъ красокъ, безъ лишннихъ звуковъ». Вотъ тебѣ и разъ?!.. Такимъ образомъ, все это совершенно непонятно, безтолково и сдѣлано какъ будто нарочно такъ, чтобы и зритель, и читатель ничего не поняли. Можно же такъ безтолково писать, что и нарочно не придумаешь большей путаницы! Такимъ образомъ, въ семейныхъ отношеніяхъ мы не находимъ никакихъ опредѣленныхъ причинъ переутомленія или, вѣрнѣе, столько смѣшанныхъ причинъ, что онѣ напоминаютъ малороссійскую пословицу: «въ огородѣ бузина, а въ Кіевѣ—дядько». Въ самомъ дѣлѣ, судя по драмѣ, переутомленіе происходитъ отъ того, что жены у современныхъ интеллигентовъ—еврейки, и отъ того, что еврейки страдаютъ чахоткой, и отъ того, что онѣ сентиментальны и заурядны, и отъ того, что они не заурядны!.. Очевидно, тутъ ничего не разберешь.

Перейдемъ къ окружающей средѣ, къ знакомымъ Иванова и къ его хозяйству. По словамъ Иванова, онъ мечталъ о раціональномъ хозяйствѣ, но управляющій у него, родственникъ Боркинъ, вовсе не раціональный хозяинъ, а какой-то идеалистъ плутовства, фантазеръ мошенничества. Отъ этого на имѣніи масса долговъ и оно въ конецъ разорено. И опять невольно возникаетъ вопросъ: что же это такое? Да дѣйствительно-ли, Ивановъ мечталъ о раціональномъ хозяйствѣ или онъ думалъ только порадовать «родному человѣчку», хотя и мошеннику. Что же онъ такое: дѣйствительно-ли онъ новый типъ, или преслѣдующій Фамусовъ? Нѣтъ, онъ негодуетъ изрѣдка на этого Боркина; но терпитъ его. Почему? Не принадлежитъ-ли онъ къ типу Обломовыхъ, только подъ новымъ соусомъ? И на это опредѣленнаго отвѣта не находимъ, потому очень поверхностно знаемъ его прошлое: былъ-ли онъ, дѣйствительно, дѣятелемъ, или только казался такимъ и себѣ, и другимъ, а всегда былъ Ильей Ильичомъ? Или его терпимость къ Боркину есть уже продуктъ его позднѣйшаго переутомленія? Разрушеніе хозяйственныхъ дѣлъ и долги могли бы считаться одною изъ причинъ переутомленія. Но отчего произошло это разрушеніе хозяйства, отъ обломовщины-ли, терпящей Боркиныхъ, или

отчего другого, не извѣстно, потому что мы не знаемъ, съ какого времени Ивановъ сталъ терпѣть Боркина. А если онъ терпѣлъ его и прежде, въ свой дѣятельный періодъ, то почему? Ничего не извѣстно.

Перейдемъ къ окружающій средѣ, т.-е. къ знакомымъ. Кромѣ дочери Лебедева, Сани, это—все ужасные уроды и такое общество способно, дѣйствительно, довести до сумасшествия. Самые лучшіе люди, т.-е. по крайней мѣрѣ съ университетскимъ образованіемъ,—представляютъ изъ себя слѣдующее: предѣдатель управы Лебедевъ, честный и добрый, но пьяница и совершенно поработенный женой, которая занимается ростовщичествомъ и, между прочимъ, осаждастъ и терзаеъ Иванова требованіемъ процентовъ за долгъ. Графъ Шабельскій, родственникъ Иванова, живущій у него на хлѣбахъ, разорившійся аристократъ, старикъ, бранящій все направо и налѣво, безъ всякой определенной идеи; за нимъ слѣдуютъ: акцизный чиновникъ, заигравшійся въ винтъ до того, что вмѣсто «прощайте» говорить «пасъ!» и купчиха—вдовушка, мечтающая о томъ, что выйдетъ за Шабельскаго, который иногда тоже въ шутку мечтаетъ, что женится на ней, и на ея деньги поѣдетъ слушать въ Москву цыганъ, а потомъ отправится въ Парижъ и тамъ окончитъ свои дни, посѣщая могилу жены и плача надъ ней. Все это скорѣе похоже на фарсъ, чѣмъ на дѣйствительные типы. А если это и типы, то обрисованные очень поверхностно. Остальные лица, кромѣ уѣзднаго врача, о которомъ будетъ послѣ, совсѣмъ не обрисованы, но можно догадываться, что это—пошляки ужасные. И все это клеветаетъ на Иванова, сплетничаетъ объ его отношеніяхъ къ Саррѣ, о томъ, что онъ женился на ней изъ за денегъ, но ошибся въ расчетѣ, потому что родители Сарры проклинали ее за обращеніе въ христіанство. Мечтательное мошенничество управляющаго Боркина это общество изваливаетъ на того же Иванова, напоминая, такимъ образомъ, отношеніе общества къ Чацкому. Но такъ какъ у него есть защитники и даже поклонники въ лицѣ Сарры, Лебедева, его дочери, то, кажется, отъ этого еще нельзя дойти до переутомленія.

Болѣе другихъ переутомляетъ Иванова уѣздный врачъ, Львовъ, молодой человѣкъ, посящійся со своею честностью, возмущающійся отношеніемъ Иванова къ чахоточной женѣ, т.-е. тѣмъ, что тотъ иногда уѣзжаетъ къ Лебедевымъ. Этотъ Львовъ подозреваетъ Иванова въ томъ, что онъ хочетъ смерти

Сар
рен
неу
Ль
пле
иде
Сам
дае
кае
и во
вол
его,
вхо
док
кры
под
Ива
онъ
Но
обы
эфф
фра
Сар
въ п
и от
что
для
Дѣл
наел
изб
ным
деня
публ
Сам
рячо
съ т
т.-е.
свое
и от
Т
въ не

Сарры, чтобы жениться на богачкѣ Сашѣ Лебедевой, онъ увѣренъ, что и на Саррѣ Ивановъ женился изъ корыстныхъ, неудавшихся расчетовъ и за это возненавидѣлъ ее. Все это Львовъ открыто высказываетъ Иванову, доводя его до изступленія, отъ котораго тотъ, однако, сдерживается. Но драма идетъ дальше: когда однажды Ивановъ былъ у Лебедевыхъ, Саша сказала ему о своей любви. Онъ сперва благородно убѣждаетъ ее—отказаться отъ этой любви, но затѣмъ ему мелькаетъ мысль, что, быть можетъ, для него еще возможно счастье и воскрешеніе къ прежней живой и разумной жизни. Онъ позволяетъ себѣ «первый поцѣлуй», но въ этотъ моментъ, жена его, пріѣхавшая неожиданно съ докторомъ къ Лебедевымъ, входитъ въ комнату, и падаетъ въ обморокъ. Послѣ этого докторъ уже ведетъ войну противъ Иванова совершенно открыто; жена тоже начинаетъ въ глаза называть Иванова подлецомъ и негодяемъ, женившимся на ней по расчету. Ивановъ сперва умоляетъ ее замолчать, предупреждая, что онъ можетъ не выдержать и сказать ей что-нибудь ужасное. Но она не унимается, и онъ называетъ ее «жидовкой» и объявляетъ, что у нея чахотка. Это производитъ ужасный эффектъ, а Ивановъ рыдаетъ и повторяетъ свою любимую фразу: «Какъ я виноватъ, какъ я виноватъ!» Проходитъ годъ, Сарра умерла, Ивановъ сталъ женихомъ Саши; готовятся ѣхать въ церковь. Вдругъ въ домъ Лебедевыхъ является самъ герой и отказывается отъ женитьбы на любимой дѣвушкѣ, потому что увидѣлъ у себя сѣдые волосы, считаетъ себя негоднымъ для жизни, переутомленнымъ трудомъ, счастьемъ и борьбой. Дѣвушка и ея отецъ, которые передъ этимъ только сами наединѣ задумывались о томъ, выйдетъ-ли что либо путное изъ этого брака молодого существа съ надломленнымъ и больнымъ Ивановымъ, теперь употребляютъ всевозможныя убѣжденія, чтобы онъ не отказывался. Является врачъ Львовъ и публично называетъ Иванова подлецомъ, который женится на Сашѣ по расчету, какъ онъ женился и на Саррѣ. Саша горячо протестуетъ и обличаетъ самого Львова, но Ивановъ ни съ того, ни съ сего вынимаетъ пистолетъ и застрѣливается, т.-е. оказывается, дѣйствительно, больнымъ, хотя мотивируетъ свое предварительное поведеніе тѣмъ, что утомился одинаково и отъ трудовъ, и отъ счастья жизни.

Теперь два слова о врачѣ Львовѣ. Авторъ очевидно, хотѣлъ въ немъ вывести типъ бездушныхъ, но благородно-негодующихъ

людей, посящихъ камень вмѣсто сердца, а потому дѣлающихъ больше зла, чѣмъ добра своей откровенной якобы честностью и своими негодующими, благородными громами. И, быть можетъ, изъ Львова вышелъ бы тинъ, если бы во-первыхъ его душевный міръ былъ болѣе обрисованъ. Но мы этого міра совсѣмъ не видимъ. Онъ все время только кричитъ о своемъ благородствѣ и негодованіи. Во-вторыхъ, его тиничность, даже и въ этомъ отношеніи, значительно затухала сама авторомъ: докторъ сознается, что влюбленъ въ Сарру, и читатель остается въ недоумѣніи, отчего Львовъ такъ горичился: отъ того-ли, что у него вообще такой характеръ, такой тинъ, или потому, что онъ влюбленъ и потому смотритъ на своего соперника, Иванова, глазами ревниваго влюбленнаго?

Изъ этого разбора самаго содержанія, вы видите, какъ слабо, не додѣлано, не продумано новое произведеніе г. Чехова. Мы ужъ не будемъ придирааться къ подробностямъ. Тутъ можно бы указать сотни ошибокъ, сотни отступленій отъ естественности, простоты и правды. Но такія отступленія видны уже изъ изложенія самаго содержанія: напримѣръ, это появленіе жены въ моментъ перваго поцѣлуя, это самоубійство передъ толпою, не вызванное ничѣмъ именно въ данный моментъ и пр., и пр.

Тѣмъ не менѣе, на сценѣ въ Петербургѣ пьеса имѣла успѣхъ, за то въ Москвѣ она провалилась. Объясняется это тѣмъ, что въ Петербургѣ она была разыграна съ совершенствомъ, заслуживающимъ лучшей участи. Кромѣ того, Петербургъ не привыкъ въ послѣднее время вовсе къ пьесамъ съ мало-мальски идейнымъ содержаніемъ, съ лицами, взятыми изъ живой дѣйствительности, а въ пьесѣ г. Чехова есть намекъ на то, и на другое.

Не мало, кажется, помогли г. Чехову въ Петербургѣ и нѣкоторыя вліятельныя газеты, въ которыхъ онъ работаетъ и имѣетъ преданныхъ друзей и хвалителей.

Впрочемъ, въ пьесѣ есть достоинства: есть отдѣльныя живыя сцены, но, къ сожалѣнію, они, какъ мы видѣли, не имѣютъ единства идейнаго, т. е. синтеза, личность Иванова написана въ нѣкоторыхъ деталяхъ съ замѣчательною искренностью. Напримѣръ, когда Ивановъ сознается Львову, что не любитъ жены, что ему не тяжело отъ мысли о ея смерти. Но такія мѣста рѣдки. Тѣмъ не менѣе эта искренность, это отсут-

ствіе идеала
кушаетъ на
вышей пр
все это явл
менты не м

Вотъ и
до сихъ пор
то едва-ли
пьесѣ. Прич
не въ недос
нихъ взгляд
и обществе
выяснили в
демъ. Мы
истинно-выс
При болѣе ц
пополниться
зрѣнія на ж

Но, какъ
г. Чехова и
новъ) болѣе
всегообщія жа
щахъ г. Чех
отдѣльныя ка
и связать все
результат
мѣсть, недос
кусъ, т. е. с
какъ основна
лежитъ отчас
хова и что э
таланта родит
оплодотворенъ
ляющимъ и е
соты, глубин
ствіе этого на
нымъ таланта
ховъ

дѣлаю-
обы че-
ами. И,
во-пер-
мы этого
ичить о
тиич-
шеалась
ь Сарру,
акъ гор-
геръ, та-
смотреть
влюблен-
те, какъ
е г. Че-
имъ. Тутъ
отъ есте-
нія видны
это поя-
моубійство
анный мо-
еса имѣла
няется это
совершен-
ого, Петер-
песамъ съ
затыми изъ
сть намѣки
тербургъ и
работаетъ и
отдѣльными
видѣли не
сть Иванова
лой искрен-
вову, что не
смерти. Но
ь, это отсут-

ствіе идеализаціи нѣкоторыхъ душевныхъ движеній героя под-
купаетъ на столько, что кажется иногда художественностью
высшей пробы. Быть можетъ, оно такъ и есть. Но такъ такъ
все это является лишь въ рѣдкіе моменты, то подобные мо-
менты не могутъ искупить другихъ недостатковъ пьесы.
Вотъ и все, что можно сказать о пьесѣ г. Чехова. Если
до сихъ поръ онъ оправдывалъ ожиданія, возлагаемыя на него,
то едва-ли это можно сказать, положя руку на сердце, о его
пьесѣ. Причины этого, какъ мы старались выяснить, лежатъ
не въ недостаткахъ таланта, а, повидимому, въ односторон-
нихъ взглядахъ, въ пробѣлахъ міросозерцанія, а быть можетъ
и общественного чувства. Этотъ послѣдній недостатокъ мы
выяснили въ своемъ мѣстѣ и возвращаться къ нему не бу-
демъ. Мы повторимъ только, что безъ него не мыслимо
истинно-высокое, значительное художественное произведеніе.
При болѣе цѣльномъ міросозерцаніи, этотъ недостатокъ могъ бы
пополниться теоретическимъ сознаніемъ, социологической точкой
зрѣнія на жизнь и искусство.

Но, какъ намъ кажется, эта точка зрѣнія отсутствуетъ у
г. Чехова и совершенно подчинена (по крайней мѣрѣ, въ Ива-
новѣ) болѣе узкой и специальной. И вотъ чѣмъ объясняются
всѣобщія жалобы на то, что во всѣхъ болѣе крупныхъ ве-
щахъ г. Чехова нѣтъ единства, а есть только прекрасныя
отдѣльныя картинки: узкая точка зрѣнія не можетъ охватить
и связать всѣхъ явленій жизни и дать ихъ синтезъ; поэтому,
ея результатомъ всегда будетъ разрозненность отдѣльныхъ
мѣстъ, недостаточность ихъ сведенія въ одинъ идеальный фо-
кусъ, т. е. отсутствіе гармоніи, (единства въ разнообразіи),
какъ основнаго требованія искусства. Мы боимся, что въ этомъ
лежитъ отчасти безплодность всѣхъ крупныхъ попытокъ Че-
хова и что эта безплодность станетъ хронической, а изъ его
таланта родится пустоцвѣтъ, если этотъ талантъ не будетъ
оплодотворенъ болѣе живымъ и широкимъ началомъ, состав-
ляющимъ и въ жизни, и въ искусствѣ главную основу вы-
соты, глубины и долго—не увядающаго совершенства. Отсут-
ствіе этого начала жестоко мститъ за себя даже такимъ огром-
нымъ талантамъ, каковъ былъ Писемскій. Бодрствуйте, г. Че-
ховъ.

Созерцатель.

< А. Е. Оболенскій >